11 класс

I. АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ (по выбору)

Вариант 1.

Выполните целостный анализ стихотворения Афанасия Фета «На стоге сена ночью южной…», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: *тематику, философский смысл, образный ряд, изобразительно-выразительные средства, особенности стиха, переклички с другими авторами.*

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

А.А. ФЕТ

*** * ***

На стоге сена ночью южной
Лицом ко тверди я лежал,
И хор светил, живой и дружный,
Кругом раскинувшись, дрожал.

Земля, как смутный сон немая,
Безвестно уносилась прочь,
И я, как первый житель рая,
Один в лицо увидел ночь.

Я ль несся к бездне полуночной,
Иль сонмы звезд ко мне неслись?
Казалось, будто в длани мощной
Над этой бездной я повис.

И с замираньем и смятеньем
Я взором мерил глубину,
В которой с каждым я мгновеньем
Все невозвратнее тону.
<1857>

Вариант 2.

Выполните целостный анализ рассказа И.А. Бунина «Тишина», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: *тематику и проблематику, композиционные особенности, смысл названия, характер рассказчика и авторскую позицию. Если у вас возникли ассоциации с другими произведениями, прокомментируйте их.* Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершенный текст.

И.А. Бунин
Тишина

Мы приехали в Женеву под дождем, ночью, но к рассвету от дождя осталась только свежесть в воздухе. Отворив дверь на балкон, мы почувствовали упоительную прохладу раннего осеннего утра. В улицах таял молочный туман с озера, солнце тускло, но уже бодро блистало в тумане, а влажный ветер тихо покачивал кроваво-красные листья дикого винограда на столбах балкона. Мы умылись и оделись быстро и вышли из отеля, освеженные крепким сном, готовые на какие угодно скитания и с молодым предчувствием чего-то хорошего, что сулит нам день.

- Славное утро опять послал нам бог! - сказал мне товарищ. - Ты заметил, что первый день после нашего приезда куда-нибудь - непременно погожий? Не курить, есть только молоко, зелень, жить на воздухе и просыпаться вместе с солнцем - как это

облагораживает дух! Скоро об этом будут говорить не доктора, а поэты... Не кури, не кури - это дает ощущение, давно не испытанное, ощущение чистоты и юношеской свежести.

Но где озеро? И на минуту мы остановились в недоумении. Вдалеке все было в легком светлом тумане, а мостовая в конце улицы блестела под солнцем, как золотая. И мы быстро пошли к тому, что казалось мокрой и блестящей мостовой.

Солнце на пустой набережной уже сильно пригревало сквозь туман, и все сияло перед глазами. Но долины, озеро и дальние Савойские горы еще дышали холодом. Выйдя на набережную, мы невольно остановились в том радостном изумлении, которое испытываешь всегда, внезапно увидев простор моря, озера или долин с высоты. Савойские горы таяли в светлом утреннем пару, и под солнцем едва можно было различить их: приглядишься - и уже только тогда увидишь тонкую золотистую линию хребта, вырезающуюся в небе, а потом почувствуешь и самую массивность горных громад. Вблизи, в огромном пространстве долины, в прохладной и влажной свежести тумана, лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро. Оно еще дремало, как дремали и косые паруса лодок, столпившихся у города. Точно серые поднятые крылья возвышались они в воздухе, но были еще беспомощны в тишине утра. Две-три чайки низко и плавно скользнули над водою, и одна из них вдруг блеснула мимо нас и метнулась в улицу. Мы разом обернулись за ней и видели, как она, испуганная непривычным зрелищем, сделала резкий и быстрый поворот назад... Счастливы люди, в города которых залетают чайки в солнечное утро!

И нас потянуло в горы, на озеро, куда-то вдаль... Пока испарялся туман, мы сходили в город, купили в кабачке вина и сыру, полюбовались чистотой и приветливостью улиц, живописными тополями и платанами в тихих золотых садах. Бирюзовое небо стало уже ярко и чисто над ними.

- Знаешь, - говорил мне товарищ, - мне часто не верится, что я действительно в тех местах, о которых, бывало, только мечтал, глядя на карту, и все хочется напомнить себе об этом. Чувствуешь ты, что вот за этими горами, так близко от нас - Италия? Чувствуешь ты юг в этой удивительной осени? А вон Савойя - родина тех самых мальчиков-савояров с обезьянками, о которых читал в детстве такие трогательные истории!

У мостков пристани дремали на солнце и лодки, и лодочники. В голубой прозрачной воде видны были песчаное дно, сваи и кили лодок. Было совсем летнее утро, и только по тому спокойствию, которое царило в прозрачном воздухе, чувствовалось, что это спокойствие последних дней осени. От тумана не осталось и следа, озеро было необыкновенно далеко видно по долине. И, сняв пиджаки, мы засучили рукава и взялись за весла. Пристань отошла, стала отдаляться. Уходил и сиявший под солнцем город, набережная, парки... Впереди вода блестела ослепительно, около лодки становилась все глубже, тяжелей и прозрачней. Весело было погружать в нее весла, чувствовать ее упругость и смотреть, как взлетают из-под весел брызги. А когда я оглядывался, я видел раскрасневшееся лицо моего спутника и глубокую ширь, вольно и спокойно лежавшую среди покатых гор, покрытых желтеющими лесами, виноградниками и виллами в парках. На минуту мы опустили весла - и наступила глубокая тишина. Прикрыв глаза, мы долго слышали только однообразное журчание воды, бегущей вдоль бортов лодки. И даже по звуку можно было угадать, как чиста и прозрачна она

- Едем? - спросил я.

- Погоди - слушай!

Я совсем поднял весла, и журчание стало медленно замирать. С весел упала капля, другая... Солнце все жарче пригревало нам лица... И вот издалека-издалека долетел до нас мерный и звонкий голос колокола, одиноко звонившего где-то в горах. Так далеко был он, что порою мы едва улавливали его.

- Помнишь колокол Кёльнского собора? - вполголоса спросил меня товарищ. - Я проснулся раньше тебя, еще утренняя заря чуть брезжила, стал у раскрытого окна и долго слушал, как он одиноко и звонко кричал над своим старым городом. Помнишь орган в соборе и всю средневековую красоту его? Рейн, старые города, старые картины, Париж... Но это не то, это лучше...

Звон колокола, чистый и нежный, доносился до нас, сладко было слушать его, сидеть с закрытыми глазами и чувствовать ласку солнца на лице и мягкую прохладу от воды. С отдаленным, глухим и сердитым ропотом колес прошел верстах в двух от нас весь белый и сверкающий пароходик. Плавные, стекловидные перекаты воды долго и широко бежали к нам и наконец ласково заколыхали лодку.

- Вот мы и в горах, - сказал мне товарищ, когда пароход стал, сокращаясь, удаляться. - Жизнь осталась где-то там, за этими горами, а мы вступаем в благословенную страну той тишины, которой нет имени на нашем языке.

Медленно работая веслами, он говорил и слушал, а озеро все шире обнимало нас. Звон колокола казался то ближе, то дальше.

«Где-то в горах, - думал я, - приютилась маленькая колокольня и одна славит своим звонким голосом мир и тишину воскресного утра, призывая идти к ней по горным тропинкам, над голубым озером...»

Далеко по горам пестрели нежными осенними красками леса и рощи, одиноко проводили ясный осенний день живописные виллы в садах… Чтобы вымыть стакан, я зачерпнул в него воды и бросил ее в воздух. Она взвилась и блеснула в воздухе.

- Помнишь ты «Манфреда»? – сказал товарищ. – Манфред в Бернских Альпах, у водопада. Полдень. Он произносит заклинания, берет в пригоршни воды и бросает ее в воздух. В радуге водопада появляется Дева Гор… Как это прекрасно! Вот сейчас я подумал, что влаге можно поклоняться, как поклонялись огню... До чего это понятно - обожествление природы! Какое это великое счастье - жить, существовать в мире, дышать, видеть небо, воду, солнце! И все же мы несчастны! В чем дело? В кратковременности нашей, в одиночестве, в неправильности нашей жизни? Вот на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... потом Мопассан, одинокий и носивший в своем сердце жажду счастья целого мира. И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись навсегда. Так пойдем и мы с тобой... Хочешь вина?

Я поставил стакан, он налил и прибавил с грустной улыбкой:

- Мне кажется, что когда-нибудь я сольюсь с этой предвечной тишиной, у преддверия которой мы стоим, и что счастье только в ней. Помнишь Ибсена: «Ты слышишь, Майя, тишину?» Слышишь ли ты ее, эту тишину гор?

Мы долго глядели на горы и на чистое нежное небо над ними, в котором была безнадежная грусть осени. Мы представили самих себя далеко в сердцевине гор, где не бывала еще нога человека... Солнце стоит над глубокими и со всех сторон замкнутыми долинами, орел парит в огромном пространстве между нами и небом... И только нас двое, и мы идем все дальше в глубину гор, как те, что гибнут в поисках эдельвейса... Не спеша работая веслами и прислушиваясь к замирающему звону, мы говорили о путешествии в Савойю, о том, сколько времени мы можем пробыть там-то и там-то, но мысли наши снова невольно возвращались к мечтам о счастье. Красота новой для нас природы, красота искусства и религии всюду волновала нас юношеской жаждой возвысить до нее нашу жизнь, наполнить ее истинными радостями и разделить эти радости с людьми. Женщины, за которыми мы всюду следили в пути, дразнили нас жаждой любви, возвышенной, романтической, утонченно-чувственной, почти обожествляющей тот идеально-женственный образ, который мелькал перед нами... Но не сказочно ли это счастье, которое уходит за темные леса и горы все дальше по мере того, как идешь за ним?

Товарищу, с: которым я пережил так много в пути, одному из немногих, которых я люблю, посвящаю эти немногие строки. Посылаю мой привет всем друзьям нашим по скитаниям, мечтам и чувствам.

1901

II. ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте миниатюру И.А. Бунина «Музыка» и выполните следующее задание.

Рассказ заканчивается вопросами. Попробуйте ответить на них, организовав свою работу в любой жанровой форме (интервью с поэтами, писателями, эссе, рассказ и т.д.). В чем суть и значение поднятой И.А.Буниным проблемы?

И.А. Бунин

Музыка

Я взялся за дверную ручку, потянул ее к себе – и тотчас же заиграл оркестр. За раскрытым окном шли назад лунные поля – дом стал бегущим поездом. Я тянул то крепче, то слабее – и, необыкновенно легко согласуясь с моим желанием, то тише, то громче, то торжественно ширясь, то очаровательно замирая, звучала музыка, перед которой была ничто музыка всех Бетховенов в мире. Я уже понял, что это сон, мне было уже страшно от его необыкновенной жизненности, и я сделал отчаянное усилие очнуться и, очнувшись, сбросил ноги с кровати и зажег огонь, но тотчас же узнал, что все это опять дьявольская игра сна, что я лежу, что я в темноте и что нужно во что бы то ни стало освободиться от этого наваждения, в котором, несомненно, чувствовалась какая-то потусторонняя, чужая, хотя в то же время и моя сила, сила могущественная нечеловечески, потому что человеческое воображение обычной, дневной жизни, будь то воображение хоть всех Толстых и Шекспиров вместе, может все-таки только воображать, грезить, то есть все-таки мыслить, а не делать. Я же делал, именно делал, нечто совершенно непостижимое: я делал музыку, бегущий поезд, комнату, в которой я будто бы очнулся и будто бы зажег огонь, я творил их так же легко, так же дивно и с такой же вещественностью, как может творить только бог, и видел творимое мною ничуть не менее ясно и ощутительно, чем вижу я сейчас, наяву, при свете дня, вот этот стол, на котором я пишу, вот эту чернильницу, в которую я только что обмакнул перо...

Что же это такое? Кто творил? Я, вот сейчас пишущий эти строки, думающий и сознающий себя? Или же кто-то, сущий во мне помимо меня, тайный даже для меня самого и несказанно более могущественный по сравнению со мною, себя в этой обыденной жизни сознающим? И что вещественно и что невещественно?

25 мая 1924